

Режиссёр Иван Комаров: «В искусстве мало говорят с подростками»

Спектакли этого режиссера сегодня идут в Центре им. Вс. Мейерхольда, в театре «Современник», театре Школы-студии МХТ им. Чехова и на других площадках, в числе которых теперь и драматический театр города Великие Луки.

Как известно, о вкусах не спорят, но даже если этот спектакль не понравится всем, то точно никого не оставит равнодушным. Постановка заставит говорить, размышлять и даже спорить — одним словом, приведет к диалогу. Режиссер Иван Комаров очень ценит диалог. В беседе после спектакля мы говорили как раз о его важности, ученичестве и «провинции». Но начался разговор с обсуждения спектакля и, конечно, с темы подростков.

— Иван, Вы перенесли персонажей и действие пьесы в компьютерную игру. Как появилось такое решение?

— Я всегда начинаю с ассоциативного ряда: как будто провожу расследование, используя личные ассоциации. Начал думать о создателе: кто же может создать пространство, в котором происходит действие пьесы. Так возникла ассоциация с очень плохой нейросетью из компьютерной игры с восьмидесятилетними звуками, помехами и корявыми движениями — все так нелепо. С такими ассоциациями мы подошли к подготовке спектакля.

— В чем Вы лично видите проблемы сегодняшних подростков?

— Мне 28 лет, и я не могу говорить, в чем беда того или другого поколения, — это не моя зона ответственности. Но я никогда не делал ничего на тему подростков, никогда о них не размышлял и в какой-то момент посмотрел сериал «Конец этого гребаного мира» и подумал: почему в искусстве так мало говорят с подростком? И говорят не на его языке. Чаще всего спектакли про подростков имеют ценз 16+, и потому они просто не могут туда попасть. Вместо них приходят родители. И пьеса пишется драматургом на основе его представлений о подростке. Я подумал, что хочу исследовать пространство подростка — его мысли... Нам кажется, что подростки — это что-то особенное, инопланетное, незнакомое, а оказалось как мне думается, все мы в некотором роде подростки.

Специально для спектакля мы записали монологи разных людей — они отвечали на одинаковые вопросы о своей жизни, проблемах и страхах. Ответов было очень много. Мы потом для спектакля случайно отобрали из них не самые страшные, ведь не в этом был смысл, чтобы напугать, а в том, чтобы показать, что у разных людей разных возрастов схожие проблемы и мышление. Эти монологи, звучащие в спектакле, очень важны. Затем мы пригласили для разговора 14-летнего сына одной из актрис, задавали вопросы. Но диалог не может состояться без второй стороны — родителей. И тогда мы стали спрашивать у них... Хотелось бы, чтобы во время спектакля с одной стороны сидели родители, а с другой — подростки. Чтобы в третьем пространстве, на сцене, состоялся невербальный (или вербальный) диалог между ними. Это самое главное, надо понимать, что готовых ответов не существует, — и это хорошо, правильно. Потому что для каждого ответ должен быть

В Великолукском драматическом театре снова премьера. На малой сцене зрители увидели спектакль «Бог едет на велосипеде» (12+) по одноименной пьесе Ирины Васьковской и Дарьи Уткиной, который поставил приглашенный режиссер Иван Комаров.

Екатерина Кудалева (в роли Наташи) и Вячеслав Меркуров (в роли Кирилла) в спектакле «Бог едет на велосипеде»

свой, найденный самостоятельно. Я считаю, задача театра и заключается в том, чтобы запустить этот процесс размышления.

— Как родителям поддержать своего ребенка? В спектакле родители Кирилла демонстрируют разные варианты. Что об этом думаете Вы?

Иван Комаров

— У меня пока нет детей, поэтому не знаю... Нам всегда кажется, что мы будем своих детей слушать и никогда не совершим ошибок, которые совершали с нами, мы не будем говорить так, как говорили наши родители. А потом оказывается, что... Опять же — диалог. Диалог — это доверие, это когда мы можем сесть на эту карусель (образ из спектакля) и поговорить. Мне не нравится позиция «учитель и ученик». Думаю, что ученик сам должен выбрать учителя. Мне ближе момент ученичества, и, наверное, я бы со своим сыном или дочкой говорил бы как ученик с учеником. Единственное мое отличие от моего будущего ребенка в том, что у меня чуть-чуть побольше опыта и ошибок, но это не значит, что больше мудрости.

Я вот сказал про свои ошибки и только сейчас думаю, что папа мой был тогда прав, а я его не слушал. Но это хорошо, что я его не слушал — я искал свой путь. Однако можно поделиться свои-

ми ошибками с позиции на равных. Нет готовых решений и кодов, есть два ученика, которые пытаются с этим миром как-то договориться. Моя знакомая, у которой есть сын, говорит: «я должна ему помочь адаптироваться в этом мире». Мне очень понравились ее слова.

Я читаю сейчас «Путешествие писателя» (вероятно, имеется в виду книга К. Воглера), если взять любой мультфильм или кино, то видим, что наставником для героя может быть случайный пьяница, извините, но его слова попадают в тему и он будет услышан, а умный родитель, который говорит то же самое долгое время, не будет услышан — просто не случится коммуникации, потому что этот пьяница, в отличие от родителя, не стоит «над» ребенком, не является учителем. Они на равных — ученик с учеником. Мне кажется, это важная вещь: мы все хотим быть учителями и знать, как правильно, а я думаю, нет правильного или неправильного, есть только опыт.

Уверен, здесь очень важна личность. Вот мы сейчас работаем с ребятами 1-го курса Школы-студии МХАТ, и моя единственная задача, как я ее вижу, — раскрыть их индивидуальность и больше ничего, потому что это самое главное.

— Вы сегодня известный, успешный и модный режиссер. Обычно такие, как Вы, работают в столицах. Как оказались Вы в провинциальном театре?

— Мне не нравится слово «провинция», для меня оно плохое. Я бы сказал — регион. Ведь провинциальность можно встретить в центре Москвы, если говорить клишированно, а можно встретить живое искусство в какой-то глубинке. Я очень люблю ездить по разным театрам, знакомиться с новыми людьми. Мне кажется, что в Великих Луках не провинциальный театр. Кстати, такого оснащения нет во многих театрах Москвы. Это очень достойное место для того, чтобы состоялась аккумуляция какого-то творчества. Самое главное, чтобы ушло сравнение «там» и «здесь»,

«там» классно, — нет, классно может быть везде.

Мне Великие Луки напоминают город Резекне в Латвии с небольшим населением в 25 тыс. человек, у них есть свой театр, тоже очень хорошо оборудованный, огромный музей современного искусства. Я сейчас не про менталитет говорю или про «хуже-лучше», а про аккумуляцию жизни. Я не почувствовал там, что люди считают себя провинциальными... Я из маленького городка — из Симферополя, можно тоже сказать, что из провинции, но я горжусь тем, что я из Крыма, и убежден, что лучше земли нет — это 8-е чудо света. Но там почти нет творчества, аккумуляции искусства, а здесь его намного больше. И потом я — не успешный режиссер, я ученик...

— А кто Ваши учителя?

— Их много. Кустурица — он учил меня парадоксу, я смотрел все его фильмы. Тарантино — это тоже мой учитель. Андрей Жолдак — украинский театралный режиссер, который сейчас живет в Европе... Но самый важный для меня человек — это Виктор Анатольевич Рыжаков (российский театралный режиссер, профессор Школы-студии МХАТ, актер, художественный руководитель Московского театра «Современник», директор Театрально-культурного центра им. Вс. Мейерхольда, заслуженный деятель искусств РФ).

Выше я рассказывал про выбор учителя — и я поступал в магистратуру Школы-студии с четким пониманием, что хочу именно с этим человеком находиться в диалоге. Еще до своего поступления начал с ним внутренне разговаривать и сейчас рад, что это общение происходит уже вживую. Мне нравится слово «наставник». Если снова обратиться к пути героя, описанному в книге «Путь писателя», то мы увидим, что часто наставник учит, сам не зная об этом. Так и в жизни: ты можешь говорить с человеком, и в вашем разговоре может проскользнуть что-то важное — в этот момент он может стать тебе наставником. Главное, быть открытым.

— В ходе беседы Вы делаете интересные ссылки. А ка-

кие книги или кино произвели на Вас самое большое впечатление — в настоящее время или в прошлом?

— Первая книга, которая произвела на меня сильное впечатление, это С. Моэм «Бремя страстей человеческих». Прочел ее в 14 лет, и после для меня что-то стало другим. Потом был Достоевский, и я не любил Толстого, сейчас я люблю его и как-то с иронией отношусь к Достоевскому. Это цикл. А в кино — Уэс Андерсен, великий художник (американский кинорежиссер, сценарист, актер и продюсер).

Вкусы у всех разные. Для меня, например, было открытием 3–4 года назад, что дело даже не в том, какое кино ты смотришь, — важно смотреть его в оригинале с субтитрами. Красота речи, мелодика — все это помогает раскрывать жанровые особенности и конфликты...

Театр — это дело вкуса: или нравится, или иди отсюда. Считаю, что это гениальное высказывание, потому что ты можешь принять этот спектакль, а можешь — нет. Это твое дело, у тебя есть какие-то культурные коды, предпочтения — это твоя реальность. И ты либо, находясь в ней, выходишь на диалог, либо в ней закрываешься, считая, что все уже знаешь, но тогда ты ничего для себя и не откроешь.

Надо вырабатывать пылливость в себе: к современной поэзии, в которой присутствует мат, — и это нормально, или отсутствует мат — и это тоже нормально, к современной прозе и драматургии со своими недостатками. Кстати, Чехов ведь тоже в свое время считался плохим драматургом, который не умеет писать и у которого в пьесе ничего не происходит (так говорили его современники), и если бы не Немирович-Данченко, никогда бы ничего не случилось.

Поэтому важно слушать и слышать, на основе этого конструируется багаж, с которым ты идешь дальше. Убежден, важно быть открытым и если не принимать, то хотя бы признавать права другого человека поставить или написать что-то, отличное от моего вкуса. При этом я могу либо забыть увиденное, либо взять что-то для себя, но не имею права сказать, что это плохо. Это позиция тоталитаризма, демонстрирующая, что ты выше кого-то...

Я не верю, что мы все можем быть единомышленниками. Но убежден, что, если мы будем индивидуальностями и будем каждый день предпринимать что-то, чтобы услышать друг друга и понять, что у другого тоже своя правда, тогда будет классно. По крайней мере, здесь и сейчас, хотя завтра все может измениться.

— Иван, каковы Ваши ближайшие планы и приедете ли еще в Великие Луки?

— Возможно, но сейчас время такое, что сложно планировать. Я немного устал ездить. Мне было бы интересно посмотреть, как будет развиваться этот спектакль.

А дальше будут «Иллюзии» И. Вырыпаева в театре «Современник» и театр в Воронеже — «Гора Фудзи» В. Пелевина. Плюс еще студенты — это для меня самое важное. Мне так нравится работать с первым курсом! Я не преподаю, скорее, интересуюсь ими, хотя написано, что я педагог. Это планы до Нового года. А потом будет видно...

Беседовала Анна СТАЦОВА
Фото А. Воробьева